

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1921 — 1925 гг.)

А. Матюгин

К концу 1920 г. закончилась освободительная война советского народа против интервентов и русской контрреволюции. 14 декабря «Правда» в последний раз опубликовала оперативную сводку полевого штаба Реввоенсовета республики: «На фронтах спокойно». Совет Труда и Обороны отдал приказ о проведении частичной демобилизации армий.

В Москву стали возвращаться демобилизованные красноармейцы. Перед ними, как и перед всеми советскими людьми, встали новые задачи, задачи мирного созидательного труда. Но переход от войны к социалистическому строительству был связан с большими трудностями.

Война и голод наложили свою тяжёлую печать на облик великого города. Повсюду царил хозяйственная разруха. Недостаток сырья, топлива, продовольствия и квалифицированных рабочих подрывал работу социалистической промышленности. Летом 1920 г. насчитывалось 406 остановившихся фабрик и заводов¹. Почти все предприятия кожевенной, пищевой и строительной отраслей промышленности не работали.

Разрушительный процесс больше всего поразил текстильное производство: 214 предприятий из числа бездействовавших относились к промышленности по обработке хлопка, шерсти и шёлка. Стояли крупнейшие фабрики Москвы и губернии. В Москве не работали Краснопресненская Трёхгорная мануфактура, ситценабивная фабрика, бывшая Циндель, Даниловская камвольно-прядельная фабрика, а в губернии — Реутовская хлопко-прядельная, Яхромская, Старо-Горкинская, Воскресенская и многие другие.

Даже действовавшие предприятия не были загружены полностью. Прядельные фабрики, подведомственные Московскому Совету Народного Хозяйства, во втором полугодии 1920 г. должны были, по плану, получить около 20 тыс. пудов сырья, а получили за пять месяцев всего лишь около 6½ тыс. пудов. Ткацкие фабрики вместо полагавшихся 150 тыс. пудов пряжи получили 28 тыс. пудов (около 22%)². С большой недогрузкой работали предприятия химической, металлической и других отраслей промышленности. Такой большой завод, как «Серп и молот» (бывший Гужона), являвшийся базой металлообрабатывающих предприятий Москвы, из-за отсутствия топлива и металла почти прекратил производство. Мартеновские печи были потушены и постепенно разрушались³. Большинство заводов и фабрик Москвы нуждалось в капитальном ремонте.

Период разрухи переживала и мелкая кустарная промышленность.

Упадок промышленности вызвал уменьшение населения в городе. В 1917 г. в Москве насчитывалось более двух миллионов жителей, а в 1920 г. осталось немногим более одного миллиона человек. Количество фабрично-заводских рабочих столицы по сравнению с 1913 г. сократилось до 59,7%. Накануне первой мировой войны, в 1913 г., в Москве на-

¹ «Красная Москва», за 1917 — 1920 гг., стр. 177 — 178. Изд. Моссовета.

² Московский Областной Архив Октябрьской Революции (МОАОР), ф. МСНХ, оп. 1, д. № 420, лл. 16, 17.

³ Архив ОГИЗ, ф. завода «Серп и молот», д. № 58, л. 4.

считывалось 148 тыс., а в 1916 г.— около 206 тыс. промышленных рабочих, в 1920 г. число их упало до 87 тысяч⁴. Больше всего сокращение коснулось тех отраслей, которые обслуживали гражданское население: количество рабочих в пищевой промышленности по сравнению с 1913 г. снизилось до 57,7%, в текстильной — до 30,5%, в силикатной — до 10,9%. Даже в металлической и химической отраслях, которые работали на оборону, число рабочих значительно сократилось: в металлической — до 82,81%, в химической — до 56,5%.

Кадры пролетариата продолжали распыляться. Часть рабочих находилась ещё в рядах Красной Армии и в продовольственных отрядах. Многие погибли на фронтах гражданской войны, защищая Советскую Родину, иные, спасаясь от голода, разошлись по деревням. «Неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, — говорил Ленин, — что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими»⁵. Оставшиеся в столице переживали беспрецедентные лишения.

Советское правительство делало всё возможное для того, чтобы облегчить положение пролетариата, спасти его как основную производственную и политическую силу от распыления. 20 октября 1920 г. Совнарком издал декрет о натуральном премировании. Наркомпрод образовал специальный продовольственный фонд и стал отпускать из него сверхброньпайка премии за выполнение производственной программы. Ленин говорил по этому поводу: «Надо вознаградить тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте»⁶. 27 января Совнарком ввёл бесплатное пользование коммунальными услугами: квартирой, водопроводом, канализацией, электричеством. Оплата труда почти полностью была переведена в натуральную форму. В январе 1921 г. денежная доля общей заработной платы московского рабочего составляла всего лишь 4,6%, в феврале — 3%.

Помимо того, что величайшие страдания приносил голод, ощущался массовый недостаток самых необходимых бытовых вещей: обуви, одежды, постельных принадлежностей, посуды, мебели. Многие рабочие кварталы не имели электрического освещения. В рабочих общежитиях горели коптилки. В особенно тяжёлом положении находились демобилизованные красноармейцы, прибывшие на заводы и фабрики Москвы.

Голод и нужда заставляли рабочих прибегать к приработкам. Многие из них вместо выполнения производственной программы выделяли вещи для индивидуального обмена на сельскохозяйственные продукты. Тяжёлое материальное положение крайне неблагоприятно влияло на трудовую дисциплину. Увеличились прогулы. Выпуск промышленной продукции по сравнению с довоенным временем резко уменьшился. Стоимость валовой продукции московской ценовой промышленности в 1920 г. составила только 15% от уровня 1913 года⁷. В отдельных отраслях она упала ещё ниже: в бумажно-полиграфическом производстве — до 14,4%, в химической промышленности — до 12,5%, в металлообрабатывающей — до 12%, в текстильной — до 10,5%⁸, а на некоторых предприятиях опустилась почти до нуля: так, например, выпуск готовых изделий на заводе бывш. Гужона в 1920 г. составил 2% по отношению к 1913 году⁹.

В тяжёлом состоянии находилось и коммунальное хозяйство. Разруха не пощадила ни одного городского предприятия. В октябре—декабре

⁴ «Статистический ежегодник Москвы и Московской губернии» за 1914—1925 гг., Вып. 2-й, стр. 171. М. 1927. Без военной, строительной, торфяной промышленности, Гознака и железнодорожных мастерских.

⁵ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 227.

⁶ Там же, стр. 40—41.

⁷ «Московский совет РК и КД», стр. 216. М. 1927.

⁸ «Статистический справочник Москвы и Московской губернии» за 1927—1928 гг., стр. 144—145.

⁹ Архив ОГИЗ, ф. завода «Серп и молот», д. № 10, л. 5.

1920 г. полностью приостановилось трамвайное движение. Население Москвы было лишено средств передвижения. Рабочие и служащие ходили на работу пенком. Разрушение водопровода достигло угрожающих размеров. Сентябрьским обследованием 1920 г. было обнаружено более 14 тыс. повреждений домовых водопроводов. Из подаваемых 12 млн. вёдер воды в сутки только 7 млн. расходовались полезно, остальные 5 млн. утекали вследствие неисправности водопроводной сети. Напор в водопроводных трубах понизился. Возвышенные части города оставались без воды. Для снабжения населения строили водоразборы¹⁰.

Всё более обострялся жилищный вопрос.

Промышленная разлука вообще, и особенно в столице, представляла смертельную опасность для Советской власти. Она создавала угрозу полного распыления пролетариата и потери им руководящей роли по отношению к крестьянству. Борьба за восстановление московской промышленности, таким образом, заключала в себе глубокий политический смысл. Она была прежде всего борьбой за укрепление социальной базы молодого Советского государства и решающей экономической предпосылкой для строительства социализма.

Всё это учитывала партия Ленина—Сталина, и поэтому она прилагала огромные усилия для восстановления промышленности центра Республики. Комиссия по электрификации России, работавшая под руководством Ленина, уделила Москве и Московскому району большое внимание. Значительная часть плана ГОЭЛРО была посвящена возрождению промышленности и железнодорожного узла столицы. С учётом роста населения города, грузооборота и пассажирского движения в плане была предусмотрена электрификация наиболее загруженных железнодорожных магистралей, Окружной железной дороги и пригородного сообщения. Три новых электростанции: Шатурская, Елифанская и Каширская—должны были дать столице свет и энергию. Кроме того намечалось усилить действовавшие московские электростанции. Ленинские идеи о значении электрификации для возрождения всего народного хозяйства России, для превращения её в передовую в технико-экономическом отношении страну, воодушевляли лучших представителей московского пролетариата. В сердцах передовых рабочих жила непоколебимая уверенность в победе над разрухой.

Трудности перехода от войны к мирному строительству со всей силой дали себя знать весной 1921 года. Экономические затруднения с особенной резкостью и прежде всего сказались в отношении топлива. Расчёт на получение достаточного количества угля и нефти не оправдался. Возможность использовать для Москвы местное топливо не могла быть полностью реализована. Крестьянское хозяйство центральных губерний, разорённое войной и подорванное неурожаем, не могло справиться с перевозкой дров: не было в достаточном количестве ни фуража, ни лошадей. 15 февраля топливный вопрос обсуждался на пленуме Московского Совета. В принятом постановлении говорилось о необходимости приложить все усилия к тому, чтобы не останавливать работы промышленных предприятий. Москвотопу было дано боевое задание — обеспечить доставку в столицу не менее 400 вагонов дров ежедневно¹¹. Но это задание не было выполнено. Фабрики и заводы, коммунальные предприятия и электростанции останавливались или сокращали свои производственные планы. Московский Совет Народного Хозяйства наметил к закрытию ещё 48 предприятий¹². В целях экономии топлива было сокращено пользование электроэнергией, прекратилось отопление жилых зданий, учреждений, школ.

¹⁰ «Коммунальное хозяйство» № 1—2. за 1921 г., стр. 24—25.

¹¹ «Коммунистический труд» № 275 за 20 февраля 1921 г., стр. 4.

¹² МОАОР, ф. МСНХ, оп. 1, т. 1, д. № 422, л. 45.

Вместе с топливным разразился продовольственный кризис. Причины последнего коренились в обнищании деревни. Война разорила крестьян, сократила посевы. Неурожай 1920 г. в центральных губерниях России ещё больше ослабил мелкое крестьянское хозяйство. Тринадцать губерний РСФСР были освобождены от выполнения продовольственной развёрстки. Хлеб для центра приходилось возить из далёких районов: из Сибири, с Северного Кавказа, с Украины. При наличии топливного кризиса и разрухи на транспорте это была очень трудная задача. К 31 января 1921 г. на колёсах стояло более 7 тыс. вагонов с продовольствием¹³, из них 3552 вагона с зерном и мукой. Отсутствие топлива задерживало продвижение этих маршрутов к центру страны. Хлебные грузы поступали в Москву всё реже. За первую декаду февраля 1921 г. столица не получила ни одного вагона¹⁴. Пришлось сократить норму выдачи хлеба населению Москвы. Даже рабочие ударных предприятий стали получать урезанный паёк. Ухудшилось снабжение воинских частей, столовых, больниц и детских учреждений. Обстановка в Москве, как и во всей стране, становилась всё более напряжённой. Волна недовольства захлестнула и часть столичного пролетариата. Комиссия из представителей МК РКП (б), Моссовета и профсоюзов обследовала 29 предприятий и установила, что в основе этого недовольства лежало тяжёлое материальное положение, которое к весне 1921 г. ещё более ухудшилось.

Ленин в наброске резолюции X съезда партии об улучшении положения рабочих писал: «Многое в недовольстве и обострении политического кризиса объясняется крайней, почти сверхчеловеческой, переутомлённостью и истощением. Обратит на это сугубое внимание, неотложная помощь»¹⁵.

К тому же за время войны социальный состав пролетариата Москвы изменился в худшую сторону. Москва отдала фронту и стране лучшие свои пролетарские кадры. Ушедших сменили выходцы из мелкобуржуазных слоёв города и деревни.

Тяжёлое положение в стране и столице пытались использовать враги народа: белогвардейцы, меньшевики, эсеры и анархисты. Они проявили злобную активность, мобилизуя силы для уничтожения советского общественного строя и реставрации буржуазных порядков. Используя все возможности, представители контрреволюции проникали на фабрики и заводы, в советы и профсоюзы столицы. Выступая на рабочих собраниях, они клеветали на коммунистическую партию, пытались доказать неспособность большевиков организовать восстановление народного хозяйства и ликвидировать голод. Они подбивали рабочих на забастовки и выступления против Советской власти.

Опорными пунктами меньшевистского влияния были союзы химиков и печатников. Подрывную работу среди булочников вели анархисты. В советские учреждения столицы проникали остатки свергнутых и разгромленных эксплуататоров. Бывшие люди старались изнутри разложить государственный аппарат, посеять среди трудящихся сомнения в правительности того пути, по которому большевистская партия вела страну.

В составе пленума Московского Совета находилась группа представителей мелкобуржуазных партий: 3 анархиста, 1 максималист, 1 независимый социалист, 40 меньшевиков, — которая вела непрерывные атаки против политики большевистской партии. Предательскую роль по отношению к партии большевиков и Советской власти сыграли антиленинские

¹³ «Правда» от 9 февраля 1921 года.

¹⁴ Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (ЦГАОР), ф. 130, оп. 5, д. № 801, л. 61. Из сообщения заместителя председателя Совета Труда и Оборона от 16 февраля 1921 года.

¹⁵ Ленинский сборник XX, стр. 47.

элементы в РКП(б). Бюрократическая практика «завинчивания гаек», проводившаяся троцкистами в некоторых профсоюзах, в частности среди транспортников, раздражала рабочие массы и вызывала среди них энергичный протест. Пролетариат требовал перехода к нормальным методам профсоюзной работы мирного времени. «Рабочая оппозиция», пользовавшаяся некоторым влиянием среди части рабочих, сеяла панику и разложение.

Особенно тревожно было в Москве 23 февраля, когда имела место попытка устроить антисоветскую демонстрацию. Не было сомнения, что меньшевики, эсеры и анархисты подготавливали в Москве контрреволюционный переворот. Советское правительство приняло энергичные меры для подавления подготовлявшегося белогвардейского мятежа. Ещё раньше в столице был создан Комитет обороны города Москвы и Московской губернии, который в эти дни развернул усиленную деятельность. Москва была объявлена на военном положении.

Одновременно Московская партийная организация провела широкую разъяснительную кампанию среди рабочих и трудящегося населения города. На всех предприятиях была развернута работа по разоблачению контрреволюционной роли меньшевиков, эсеров и анархистов. Величайшее значение для мобилизации рабочих Москвы на преодоление хозяйственных трудностей имели выступления Ленина и Сталина во время профсоюзной дискуссии. Выдающиеся деятели большевистской партии — Луначарский, Калинин, Ярославский и др. — разъясняли рабочим причины хозяйственного и политического кризиса. Московский Совет обратился с призывом ко всем трудящимся Москвы и губернии, в котором указывал, что «затруднения с топливом будут побеждены дружными усилиями всех сознательных рабочих. Победить эти затруднения можно только одним: усилить работу по добыче нефти, угля, дров и послать по всем этим железным дорогам. Тогда застрявшие в пути тысячи вагонов с продовольствием двинутся вперёд и придут в Москву. Никакого другого способа улучшения положения нет»¹⁶.

Для преодоления продовольственных трудностей и улучшения материального положения рабочих были приняты героические меры. На экстренном заседании 30 января 1921 г. Совет Труда и Обороны принял решение об ускорении продвижения продовольственных грузов к центру страны. На юго-восточные магистрали были брошены топливо и паровозы с временно закрытых железнодорожных линий. С 8 февраля производственные маршруты были приравнены к военно-оперативным. За их продвижением неотступно следила комиссия под председательством Ленина. На дороги, по которым шёл хлеб (Пермская, Омская, Московско-Казанская, Юго-Восточная), выехали представители Московского Совета. Ленин лично заботился о снабжении Москвы продовольствием. Из Кремля непрерывно рассылались телеграммы с распоряжениями и приказами об ускорении погрузки и отправки хлеба в столицы. 7 февраля Ленин телеграфировал Омскому Сибпродкому, требуя отправлять ежедневно центру не менее трёх маршрутов до конца февраля¹⁷. 16 февраля Ленин повторно телеграфировал в Омск и предписал в порядке боевого приказа повысить погрузку и отправку хлеба центру до максимума¹⁸. В этот же день, в связи с временным перерывом поступления хлеба из Сибири, он телеграфировал уполномоченному Наркомпрода в Ростов на Дону: «...должны быть приняты героические меры для усиления и доведения до максимума погрузки и отправки хлеба центру с Севкавказ... Ещё раз подтверждаю необходимость ежедневной отправки центру 200 вагонов»¹⁹.

¹⁶ «Правда» от 1 февраля 1921 года.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 13, оп. 5, д. № 801, л. 42.

¹⁸ Ленинский сборник XX, стр. 15.

¹⁹ Там же, стр. 14—15.

23 февраля Владимир Ильич потребовал увеличения отправки хлеба с Украины²⁰.

В целях улучшения снабжения рабочих предметами первой необходимости были мобилизованы имевшиеся скудные запасы. 25 февраля Совет Труда и Оборона вынес постановление о распределении среди московских рабочих 55 тыс. пар обуви, 50 тыс. аршин мануфактуры и большой партии спецодежды²¹. Московская промышленность получила задание расширить производство товаров широкого потребления. Кроме использования внутренних резервов Советское правительство приняло экстренные меры по закупке продовольствия и предметов первой необходимости за границей. Для этой цели был ассигнован фонд в размере 10 млн. руб. золотом²².

В эти трудные дни столица жила напряжённой политической жизнью. Московская партийная организация, отбивая злобные атаки врагов партии — троцкистов, бухаринцев и «рабочей оппозиции», — готовилась к X съезду РКП(б). Гениальные стратеги социалистической революции Ленин и Сталин тщательно продумывали переход к новой экономической политике. Ленин изучал экономику и классовые соотношения в стране, чутко прислушиваясь к голосу рабочих масс, беседовал с крестьянами, обдумывал новое законодательство. 28 февраля состоялось объединённое заседание пленума Московского и районных Советов, правлений профсоюзов и представителей фабрично-заводских комитетов. После доклада замнаркомпрода о продовольственном положении Москвы с речью о международном и внутреннем положении Советской республики выступил Ленин. Не скрывая от рабочих тяжёлого положения, он разъяснил истинные причины кризиса, бичевал и разоблачал контрреволюционных «шептунов» — меньшевиков и эсеров, — страстно звал пролетариат и всех трудящихся столицы преодолеть трудную полосу. «Я, товарищи, вовсе не хочу вас успокаивать обещаниями и не думаю заявлять, что трудная полоса кончилась, — говорил он. — Ничего подобного! Есть признаки улучшения, но полоса осталась неслыханно трудной»²³. Речь Ленина дышала искренностью, уверенностью и бодростью. «Не в отчаянии несём мы неслыханные жертвы, но в борьбе, которая одерживает победы. Эта разница определяет всё»²⁴. Он открыто и во всеуслышание заявил, что большевистская партия считается с желанием крестьян о замене развёрстки налогом и что предстоящий партийный съезд вынесет решение, удовлетворяющее крестьянина. Великий Ленин уже видел путь, по которому пойдёт Советская страна. Это был канун X съезда партии.

X съезд РКП(б) явился решающим, поворотным пунктом от эпохи гражданской войны к мирному строительству социализма. Его великие решения о переходе к новой экономической политике обеспечили прочный экономический союз рабочих и крестьян, необходимый для восстановления промышленности и земледелия, для построения социалистического общества.

На основе решений X съезда партии и последующих указаний Ленина московские большевики провели коренную перестройку работы промышленности.

Почти вся крупная социалистическая промышленность была трестирована и переведена на хозяйственный расчёт. Тресты стали самостоятельно заготавливать топливо, сырьё, инструменты и оплачивать труд рабочих. Для этого им дано было право реализации продукции на рынке.

²⁰ ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, д. № 801, л. 90.

²¹ МОАОР, ф. МК УБР, д. № 25, л. 8.

²² Ленинский сборник XX, стр. 15—16. Постановление СТО от 28 февраля 1921 года.

²³ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 184

²⁴ Там же, стр. 182.

Перевод фабрик и заводов на хозяйственный расчёт заставил предприятия приспособляться к требованиям крестьянского рынка и начать систематическую борьбу за поднятие производительности труда.

Наиболее мелкие промышленные заведения Московский Совет сдал в аренду. К 1 октября 1923 г. было сдано около 680 предприятий с числом рабочих более 14 тыс. человек. В составе арендаторов преобладали частные лица, которых насчитывалось 550, в том числе 119 бывших владельцев²⁵. Остальные предприятия были заарендованы государственными учреждениями и кооперативами. Для руководства заарендованной промышленностью было создано при Московском Совнархозе арендное управление. Аренда государственных предприятий явилась одной из форм развития частного капитала. Кроме того на основании декрета Совнаркома о кустарной и мелкой промышленности от 7 июля 1921 г. стали открываться мелкие капиталистические заведения с числом рабочих не более 20. Позднее, по особым разрешениям Правительства, открывались и более крупные капиталистические предприятия с числом рабочих до 100 и выше. Наконец, небольшая часть мелких государственных заведений была денационализирована и передана в руки бывших владельцев. Несколько мелких фабрик находилось в руках иностранных концессионеров.

В первые годы нэпа условия для развития частной промышленности были благоприятны. Предприниматели хищнически «осваивали» производство, скрывали свою прибыль от обложения налогами, взвинчивали цены на изделия. Слабый сначала контроль со стороны профсоюзов и инспекции труда позволял им обходить трудовое законодательство и усиленно эксплуатировать рабочих. Но всё же частная промышленность в экономике Москвы и Московской губернии играла ничтожную роль. В 1922—1923 г. по числу рабочих она составляла всего лишь 3%, а по выпуску продукции — 3,4%, тогда как на долю государственной и кооперативной промышленности приходилось — соответственно — 97 и 96%²⁶.

Московские рабочие одобрительно встретили изменения в хозяйственной политике Советской власти. Они видели, что большевистская партия чутко прислушивается к их запросам и прилагает все силы, для того, чтобы улучшить положение народных масс, вывести страну из нищеты и голода, восстановить разрушенное хозяйство. Конечно, изменение политики не означало немедленного восстановления экономической жизни. За годы империалистической и гражданской войн страна так обнищала, что улучшение положения трудящихся возможно было только медленным и постепенным путём.

В 1921 г. на нашу страну обрушилось стихийное бедствие — неурожай, а потом и голод. Поволжье и Крым, часть Украины и часть Южного Урала оказались без хлеба. Голодающего населения оказалось более 22 млн. человек. Партия и Советское правительство призвали весь советский народ на помощь пострадавшим. Москва первая подхватила этот призыв. По инициативе МК РКП(б) была образована Московская губернская комиссия помощи голодающим. Отдельные комиссии были созданы при МГСПС, Московском гарнизоне, во всех районах, на крупнейших предприятиях города, во всех уездах и волостях Московской губернии. В ноябре 1921 г. к Москве была прикреплена Чувашская автономная область. Каждый район города имел свою подшефную волость²⁷. Некоторые сёла Чувашской области прикреплялись к отдельным заводам, фабрикам и частям Красной Армии. Кроме того к Москве и Московской губернии были прикреплены также Крым и частично Оренбургская губерния. Вся работа Губпомгола проводилась под лозунгом «Десять сы-

²⁵ «Рабочая Москва» от 29 декабря 1923 года.

²⁶ «Московский совет РК и КД» за 1917—1927 г., стр. 220. М. 1927.

²⁷ МОАОР, ф. 771, неопиcанная часть, д. № 66, л. 77.

тых должны накормить одного голодного!» Всё население Москвы включилось в организацию помощи голодающим. На всех фабриках и заводах проводились ежемесячные денежные отчисления в размере однодневного заработка и продовольственные сборы. За период с июля 1921 г. по июль 1922 г. Губпомгол собрал большие денежные суммы. Из Москвы в Чувашскую область, в Крым и Оренбургскую губернию было отправлено более миллиона пудов различного продовольствия²⁸. Кроме помощи деньгами и продуктами, Москва и Московская губерния взяли на своё содержание около 11 тыс. чувашских детей, из которых 5 тыс. содержалось в московских детских домах, 3 тыс. — в Чувашской области и 3 тыс. были отданы на индивидуальный патронаж²⁹. Крестьяне Чувашии были благодарны московским рабочим. В многочисленных письмах и резолюциях они выражали им свою искреннюю признательность.

Голод отрицательным образом отозвался на работе по восстановлению промышленности. Были трудности и другого порядка. Восстановление промышленности протекало в обстановке всё обострявшейся классовой борьбы. Переход к нэпу возродил надежды всех врагов социализма, в том числе меньшевиков, эсеров и анархистов, на возможность восстановления капиталистического общественного строя. В лице возродившейся буржуазии, торговцев, предпринимателей, арендаторов, частных посредников и комиссионеров они обрели себе социальную опору. Все они питали надежду на то, что если Советское государство допустило частный капитал в область экономики, то допустит его и в область политики. Они были убеждены в том, что нэп — эволюция к капитализму. Это реакционное убеждение подогревалось ещё тем, что внутри Московской партийной организации находились элементы, придерживавшиеся такой же точки зрения. Троцкисты, рыковцы, бухаринцы, являвшиеся в то время членами РКП(б), были по существу врагами социалистического строительства и сторонниками буржуазного развития России. Немало людей со сменовеховской идеологией из рядов старой буржуазной интеллигенции проникло в московские учреждения, тресты, синдикаты, кооперацию. Они с вожделием ждали возврата досоветских порядков и по мере сил способствовали этому возврату.

Таким образом, восстановительная работа происходила в напряжённой борьбе против сторонников буржуазного развития нашей страны. Это была «борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом»³⁰. Враждебные классовые силы старались использовать малейшие промахи партийных, советских и профсоюзных органов. Каждая частная фабрика или частное торговое предприятие были очагами растущего капитализма. Московский рынок стал арендой ожесточённой экономической борьбы между государственной торговлей и кооперацией, с одной стороны, и частным капиталом — с другой. Упорная борьба происходила внутри профсоюзов и коопераций Москвы, где в первые годы нэпа сильны были эсеровские, меньшевистские, а в кооперации — даже кадетские элементы. Борьба происходила на всех участках социалистического строительства. Из всех щелей полезли ожившие помещанские элементы. Усилили свою реакционную деятельность церковники, евангелисты, толстовцы, националисты. Волна мелкобуржуазных настроений задела часть коммунистов и комсомольцев.

И всё же, несмотря на огромные экономические и политические трудности, происходило неуклонное улучшение экономического положения столицы. Уже со второй половины 1921 г. приостановилось дальней-

²⁸ МОАОР, ф. 771, оп. 1, д. № 2, л. 126—127. Краткий отчёт о работе Московской Губпомгол за год её существования.

²⁹ Там же, ф. 66, оп. 1, д. № 628, л. 8.

³⁰ Ленин, Соч. Т. XXVII, стр. 244.

шее падение промышленного производства. Количество действовавших предприятий и занятых в них рабочих увеличивалось из месяца в месяц. В строй вступали всё новые и новые предприятия. По данным Московского губернского экономического совещания, количество действовавших заводов и фабрик возрастало следующим образом:

Месяцы	Число действующих предприятий	Число рабочих
1921 г.		
Июль	316	56 518
Август	390	87 878
Сентябрь	435	92 907
Октябрь	457	99 654 ³¹

Оживление прежде всего было заметно в лёгкой промышленности, особенно в текстильной, спрос на изделия которой был необычайно велик. Так, в производственный план Мостекстиля на 2-е полугодие 1921 г. было включено 187 фабрик, из которых работали: в июле — 84, августе — 78, сентябре — 117, октябре — 143, ноябре — 136, декабре — 157³².

Благодаря героическим усилиям рабочих промышленность возвращалась к жизни. Задымили фабрики и заводы, стоявшие по нескольку лет. Пущены были Краснопресненская Трёхгорная мануфактура, Даниловская камвольно-прядельная фабрика. Приступили к работе некоторые, стоявшие до тех пор фабрики в уездах: Воскресенская, Яхромская и пр. В 1922 г. приступила к работе ситценабивная фабрика бывш. Э. Цинделя, не работавшая четыре года.

Возросло использование станков и машин действовавших фабрик и заводов. По данным Московского Совнархоза, за период с 1921—1922 г. по август 1923 г. загрузка предприятий увеличилась: в машиностроении — с 29,8% до 53,2%, в кожевенном производстве — с 91% до 100%, в обувном — с 87% до 96%, в табачной промышленности — с 71,3% до 82,8%, по ткацким хлопчатобумажным фабрикам — с 36% до 54%³³. Увеличение нагрузки оборудования наблюдалось во всей трестированной промышленности. Постепенно стала подниматься производительность труда. Резко увеличилось, особенно с конца 1921 г., выполнение производственной программы. Заметнее всего это наблюдалось в текстильной промышленности. В июле 1921 г. хлопчатобумажные прядельные фабрики выполнили плановое задание на 5,1%, в декабре — на 179%; ткацкие фабрики в июле — на 5,9%, в декабре — на 181,4%; шерстепрядельное производство в июле — на 21,5%, в декабре — на 117,1%; шёлкоткацкая промышленность — соответственно — на 9,5% и 85,9%; ленто-трикотажное производство — на 29,3% и 91,7%³⁴.

Резкий контраст между июлем и декабрём объяснялся недостатком топлива в летний период.

Так же резко увеличился и выпуск продукции. В то время как за 1-е полугодие 1921 г. общая выработка текстильных фабрик составила приблизительно около 2,5 млн. аршин ткани и немногим более 6 тыс. пудов пряжи, один только декабрь этого же года дал около 98 тыс. пудов

³¹ Отчёт Московского губернского экономического совещания на 1 апреля 1922 г. стр. 91. М. 1922.

³² Там же, стр. 100—101.

³³ МОАОР, ф. 66, оп. 1, д. № 144, л. 2—11. Итоги развития московской промышленности в 1922—1923 году. Отчёт МСНХ на 19 декабря 1922 года.

³⁴ Отчёт Московского губернского экономического совещания на 1 апреля 1922 г., стр. 101.

³⁵ Там же.

пряжи и 12 млн. аршин ткани³⁵. Некоторые успехи наметились и в других отраслях промышленности: пищевой, химической, кожевенной, силикатной. Даже в металлическом производстве, восстановление которого отставало от других отраслей, были достигнуты, хотя и небольшие, положительные результаты. Пятнадцать наиболее крупных металлообрабатывающих заводов Москвы за 1-е полугодие 1921 г. выработали около 60% выпуска продукции 1913 г., в сентябре эта выработка увеличилась до 170%³⁶. В 1921 г. металлическая промышленность Москвы увеличила выпуск продукции по сравнению с предшествовавшим годом на 6,5%.

Как трудно было поднять металлическую промышленность, видно из того, в каких условиях шло восстановление мартеновского цеха завода «Серп и молот». Нехватало огнеупорного кирпича для ремонта печей, не было чугуна, ощущался острый недостаток квалифицированных рабочих. Группа старых, кадровых рабочих прилагала героические усилия для возрождения основного цеха завода. Печники Менусов, Червяков и др., стараясь поскорее пустить мартены, по несколько суток не выходили из цеха. Для пуска печей потребовались сталевары, литейщики. Заводоуправление, завком и ячейка стали вызывать рабочих из деревень, куда ушли они в годы войны. В январе 1921 г. мартеновцы добились первого успеха—печь № 7 (отремонтированная к этому времени) дала 13 т металла. В августе того же года была восстановлена печь № 5. В 1922 г. были пущены мартены №№ 1 и 4. Постепенно оживали фасонный, прокатный, гвоздильный и другие цехи. Выработка на заводе увеличивалась из года в год. Если в 1920 г. продукция завода составляла 20%, то в 1924—1925 г. она достигла 74,5% производительности 1913 года³⁷. В таких же трудных условиях шло восстановление завода «Красный пролетарий». В 1920 г. он выпустил 31 тыс. пудов металлических изделий, в 1922 г. — более 43 тыс. пудов³⁸. В мае 1924 г. состоялось открытие Московского инструментального завода.

История этого предприятия интересна и поучительна. Группа русских рабочих-эмигрантов в Америке организовала завод на кооперативных началах. После того как в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, 120 энтузиастов из этой группы вернулись на родину. В Москве они получили полуразрушенное здание текстильной фабрики, отремонтировали его, установили станки и, преодолевая тысячи всевозможных препятствий, организовали производство инструментов.

Ещё более успешно восстановление промышленности Москвы протекало в последующие годы. В связи с хорошим урожаем 1922 г. и увеличением добычи минерального топлива в столицу стали поступать всё в больших количествах хлеб, хлопок, нефть, уголь. Это послужило основой для быстрого расширения фабрично-заводского производства. Если в 1921 г. продукция промышленности Москвы по сравнению с предыдущим годом выросла на 30,8%, то в 1922 г. по сравнению с 1921 г.—на 60,4%. В 1923 г. фабрики и заводы столицы выработали различных изделий почти в три раза больше, чем в 1920 году³⁹.

Ширились также работы по выполнению плана электрификации. Ленин сам повседневно следил за строительством московских станций. Из Кремля за его подписью почти ежедневно исходили распоряжения, связанные с выполнением плана ГОЭЛРО. Ленин вникал даже в мелочи строительства, следя за его ходом. В июне 1922 г. состоялось торжественное открытие Каширской районной электростанции. В 1925 г. было

³⁶ Отчёт Московского губернского экономического совещания на 1 апреля 1922 г., стр. 184.

³⁷ «Борьба классов» № 7 за 1934 год. Статья Поселянина «Восстановление завода «Серп и молот».

³⁸ Архив ОГИЗ, ф. «Красный пролетарий», д. № 20.

³⁹ Высчитано по «Статистическому ежегоднику Москвы и Московской губернии». Вып. 2-й, стр. 172.

закончено строительство Шатурской ГЭС. Рабочие окраины Москвы до революции 1917 г. почти совершенно не имели электрического освещения. К концу 1925 г. в рабочих районах было электрифицировано 11 тыс. домовладений, что составляло около трети общего числа домовладений Москвы. Было установлено около 220 тыс. новых электрических лампочек⁴⁰. Электрическая энергия всё глубже проникала в московскую деревню. «Лампочка Ильича» вытесняла керосиновую лампу из крестьянской избы. В уездах Московской губернии было выстроено пятнадцать местных станций (Яропольская, Волоколамская, Осташевская, Солнечногорская и др.). Одновременно, по заданию Ленина, прилагались усилия к развитию топливной промышленности. Изобретение инженера Классона — добыча торфа гидравлическим способом — дало возможность начать широкую разработку торфяных болот Московской губернии.

Наряду с подъёмом крупной социалистической промышленности, которая играла ведущую роль, восстанавливалась и кустарная промышленность. Советское правительство поощряло её развитие всеми возможными средствами. Декрет Совнаркома от 7 июля 1921 г. дал право частным лицам свободно заниматься кустарными промыслами и открывать мелкие промышленные заведения. На 1 ноября 1923 г. в Москве и Московской губернии насчитывалось около 7 тыс. мелких предприятий с количеством наёмных рабочих более 17 тыс. человек. Кроме того имелось 2575 промысловых кооперативов с числом членов более 22 тыс. человек. Таким образом, к осени 1923 г. в Москве и Московской губернии насчитывалось около 10 тыс. мелких промышленных заведений с числом занятых в них лиц около 40 тыс. человек⁴¹.

Таким образом, успехи по восстановлению социалистической промышленности Москвы были очевидны и неоспоримы уже в первые годы нэпа. Осенью 1922 г. Ленин неоднократно констатировал этот факт. 5 ноября в интервью корреспонденту «Манчестер гардиан» среди первых экономических достижений Советской республики он особенно подчеркнул подъём промышленности и в Петрограде и в Москве. Первые свои достижения московская промышленность показала на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, открывшейся 19 августа 1923 года. Москвичи получили на ней самое большое число наград. Основные отрасли промышленного производства и важнейшие предприятия столицы получили премии первой и второй степени. Завод «Красный пролетарий» (бывш. завод Бромлея) получил премии первой, второй и третьей степени.

В результате первых успехов в восстановлении промышленности был приостановлен процесс распыления пролетариата. На фабрики и заводы Москвы вернулись старые, квалифицированные рабочие, пришли новые пополнения из деревни. Численность московского пролетариата стала быстро возрастать. Если в 1920 г. в Москве насчитывалось немногим более 87 тыс. фабрично-заводских рабочих, то в 1923 г. их было уже более 103 тыс. человек, что означало увеличение на 18,4%. Более значительный рост наблюдался в силикатной промышленности, где число рабочих за это время увеличилось на 116,4%, в деревообделочной — на 40,5%, химической — на 33,7%, текстильной — на 29,1%, одежды и туалета — на 46%, кожевенной — на 22,8%. Несколько медленнее увеличивалось число рабочих в металлическом производстве (на 12,8%) и пищевкусовой промышленности (на 11,3%)⁴². Изменился состав пролетариата. В годы империалистической и гражданской войн мужской труд в значитель-

⁴⁰ «Рабочая Москва» от 8 апреля 1926 года.

⁴¹ «Московская промышленность в 1922—1923 оперативном году», стр. 168. М. 1924.

⁴² Проценты высчитаны по «Статистическому ежегоднику Москвы и Московской губернии». Вып. 2-й, стр. 171. М. 1927. Без военной, строительной промышленности, Гознака и железнодорожных мастерских.

ной степени был заменён трудом женщин и подростков. С переходом к мирному строительству начал опять восстанавливаться мужской состав рабочих. Число взрослых мужчин в 1913 г. составляло 55,5% общего количества рабочих Московской губернии. К 1917 г. оно снизилось до 42,2%. В 1924 г. рабочие Московской губернии были представлены на 53,4% мужчинами, на 42% — женщинами и на 5% — подростками⁴³.

Несмотря на ещё не преодоленные экономические трудности, жизнь московских рабочих постепенно улучшалась. Отходили в прошлое тяжёлые военные дни, голод, эпидемии, нервное переутомление, нищета. Из года в год жить становилось легче. Постепенно возрастала реальная заработная плата. В 1913 г. московский рабочий получал в месяц 27 руб., среднемесячная заработная плата в октябре—декабре 1923 г. составляла почти 24 довоенных рубля (87% довоенного заработка), а в октябре—декабре 1924 г. дошла до 32 довоенных рублей и составила 119% к довоенному уровню. По отдельным производствам она была в это время ещё выше: у химиков — 143,9%, у пищевиков — 149,5%, у кожевников — 157,1%⁴⁴.

Одновременно московская промышленность покончила с выдачей заработной платы натурой. Доля натуральных выдач в совокупной заработной плате стала понижаться с лета 1921 г. и в последнем квартале 1923 г. уже полностью исчезла. Это имело не только экономическое, но и политическое значение, так как укрепляло классовое самосознание рабочих и усиливало их сопротивление мелкобуржуазному влиянию. Им не нужно было ходить на рынок и заниматься торговлей. Всё своё внимание они стали обращать на повышение производительности труда.

В связи с ростом заработной платы значительно окреп приходе-расходный бюджет московского рабочего.

Лучшим измерителем экономического благосостояния рабочих являются расходы на питание: чем ниже доход рабочего, тем большую часть заработка он вынужден тратить на пищу. Если в 1918 г. московский рабочий тратил на питание 72,5% своего бюджета, в 1922 г. — 66,3%, то в 1924 г. — 44,2%, а в 1925 г. — 42,2%. Всё большую часть бюджета стали расходовать на одежду, обувь, бельё: в 1918 г. эти расходы составляли 8,3%, в 1922 г. — 10,9%, в 1924 г. — 17,19%, в 1925 г. — 20%⁴⁵.

Питание московского рабочего улучшилось. Уже обследование 1922 г. показало, что среднесуточное питание взрослого рабочего составляло 3466 калорий⁴⁶. Последующие годы характерны увеличением потребления мяса, жиров, яиц, молока и молочных продуктов.

Кроме денежной заработной платы рабочие Москвы получали дополнительно скидки по квартирной плате, льготный трамвайный проезд, льготные талоны на газ, воду, электричество и кредит в кооперации. В их распоряжении было также бесплатное медицинское обслуживание. Наконец, московские рабочие, как и рабочие всей Советской страны, пользовались услугами социального страхования. Государство обеспечивало каждого рабочего и служащего фактическим заработком при временной нетрудоспособности, помощью при инвалидности и безработице. В Москве на 1 июля 1924 г. было застраховано 410 961 чел., из них более 185 тыс. (45,2%) — рабочих. За январь — август 1924 г. в Москве на нужды со-

⁴³ МГСПС. Бюро статистики труда. «Труд в Московской губернии в 1923—1925 гг.». Сборник статистических материалов, стр. 30. М. 1926.

⁴⁴ Маркузон Ф. «Труд в Московской губернии в 1923—1924 годах», стр. 30—31. М. 1925.

⁴⁵ Цифры взяты из статистических сборников: Ф. Маркузон. Указ. соч. Атлас диаграмм. Выпуски 1-й и 2-й; «Труд в Московской губернии в 1923—1925 годах». Сборник статистических материалов, стр. 239; «Труд в Москве и Московской губернии в 1924—1925 годах». Краткий статистический справочник, стр. 97, 102. М. 1925.

⁴⁶ «Статистика труда» № 1 за 1924 г., стр. 16.

циального страхования было израсходовано более 16 млн. рублей⁴⁷. На средства соцстраха рабочим предоставлялась специальная медицинская и профилактическая помощь. Для них открылась возможность лечиться в санаториях Крыма и Кавказа, проводить свой ежегодный отпуск в лучших домах отдыха страны.

Достигнуты были некоторые улучшения бытового и жилищного положения пролетариата. Большую роль в этом отношении сыграла комиссия, созданная для этой цели ещё в марте 1921 г. при Московском Совете под председательством Ф. Э. Дзержинского, а также аналогичные комиссии при крупных фабриках и заводах Москвы.

Московский Совет выделил 600 наилучших домов, названных потом домами-коммунами, для вселения в них рабочих, живших в подвалах и разрушившихся зданиях. Комиссия мобилизовала все наличные ресурсы для того, чтобы улучшить бытовое положение рабочих масс. По всем районам города были созданы «тройки» для обследования складов и розыска строительных материалов, мебели, посуды, обуви и т. д. Московский губернский профессиональный совет распределил среди рабочих более 25 тыс. пар белья, более 14 тыс. предметов одежды, около 90 тыс. аршин мануфактуры и много других предметов. Во всех районах и при крупных заводах и фабриках открылись починочные и сапожные мастерские. Квартиры рабочих и демобилизованных красноармейцев в домах-коммунах были отремонтированы и снабжены мебелью. Улучшено было также обслуживание рабочих банями, прачечными, парикмахерскими. В рабочих районах было проведено электрическое освещение, трамвайное движение приспособлено к обслуживанию фабрично-заводских рабочих. К большим предприятиям прикреплялись специальные вагоны.

Улучшилось также культурное обслуживание. Во всех академических театрах Москвы 25% всех мест отводилось для рабочих.

Коренным образом было улучшено положение рабочей молодёжи. В новый кодекс законов о труде, принятый сессией ВЦИК в конце 1922 г., включены были следующие нормы по охране труда: четырёхчасовой рабочий день для лиц моложе 16 лет и шестичасовой — для подростков в возрасте от 16 до 18 лет с оплатой как за полные 8 часов работы. При крупных фабриках и заводах открылись школы фабрично-заводского ученичества. На 1 октября 1922 г. в ведении МСНХ имелись 33 таких школы, в которых учились 2442 подростка⁴⁸.

Многие молодые рабочие Москвы стали учиться в советских партийных школах, техникумах, на рабочих факультетах, в высших учебных заведениях и в университете. Начался поход рабочей молодёжи в науку.

С улучшением экономического положения возрастала трудовая активность московских рабочих. Уже в первые годы нэпа тысячи рабочих сознательно боролись с хозяйственной разрухой. Возглавляемые коммунистами, они самоотверженно и с исключительной энергией восстанавливали свой родной город, ремонтировали и пускали в ход заводы, фабрики, машинное оборудование, жилища, заготавливали топливо. Во имя возрождения социалистической промышленности они переживали неслыханные лишения и проявляли беспримерный героизм. Нарастала также и политическая активность. Ярким выражением этого процесса явились выборы в Московский Совет в апреле 1922 г., прошедшие под знаком сплоченной рабочей массы вокруг большевистской партии. В наказе своим депутатам избиратели Москвы писали: «Проводимая Советской властью новая экономическая политика является единственным средством вывести нашу Советскую Россию из разрухи и восстановить наше хозяйство,

⁴⁷ «Московское хозяйство в 1925 году. Опыт составления единого хозяйственного плана на 1924—1925 г.», стр. 133—134.

⁴⁸ «Московская промышленность» № 19—20 за 1922 г., стр. 18.

наши депутаты должны помнить, что самой важной задачей является сейчас улучшение производства и тем самым улучшение жизни рабочего класса, на своих плечах вынесшего главную тяжесть и самые страшные муки борьбы»⁴⁹.

Доверие рабочих к своей партии и её политике выразилось прежде всего в том, что в качестве депутатов в Московский Совет и в районные Советы Москвы они посылали членов РКП(б). Кандидатов мелкобуржуазных партий почти всюду отвергали. Рабочие таких крупных предприятий Москвы, как «Красный богатырь», АМО, «Динамо», «Серп и молот», электростанция 1886 г., Краснопресненская Трёхгорная мануфактура, Гознак, «Красный пролетарий», Курские мастерские, фабрика «Дукат», и многих других, единодушно голосовали за коммунистов. Провал мелкобуржуазных партий особенно был заметен на химических предприятиях, служивших ранее опорой для меньшевиков. Всего у химиков было сорок избирательных участков, и ни на одном из них ни меньшевики, ни эсеры не имели успеха. Рабочие-химики выбрали в Московский Совет 5 беспартийных и 36 коммунистов. Завод «Красный богатырь» в качестве своего депутата послал Ленина; фармацевтический завод № 8 (бывш. Феррейна) — М. И. Калинина⁵⁰. Всего в Московский Совет был избран 1731 депутат, из них 88% — члены большевистской партии⁵¹.

Ещё большее торжество коммунистической партии принесли выборы в Московский Совет в конце 1922 года. В Замоскворечье, Рогожско-Симоновском и Сокольническом районах меньшевики и эсеры не получили ни одного голоса. В Бауманском районе кандидаты мелкобуржуазных партий из 35 тыс. голосов получили 83; в Городском из 83 тыс. — 165, в Хамовническом из 47 тыс. — 120, в Краснопресненском из 58 тыс. — 100.

В декабре 1922 г. рабочие Краснопресненской Трёхгорной мануфактуры писали своему депутату Владимиру Ильичу: «Шлём тебе, великий вождь рабочего класса, наш горячий привет. Мы счастливы, что на нашу долю выпала великая честь послать тебя, великий учитель, в Московский Совет, как нашего представителя. Мы заявляем, что по примеру прошлых лет мы проявим всю нашу волю и силу, чтобы быть достойными своего депутата. Раз став на великую дорогу борьбы за светлое будущее рабочего класса, мы пойдём с тобой, великий учитель, и с партией РКП, во главе которой ты стоишь, и как всегда, так и сегодня во время выборов в Московский Совет, мы все свои голоса, как один человек, отдадим партии рабочего класса — РКП. Трепещите, все наемники рабочего класса, все эсеры и меньшевики»⁵². Впервые за всё время существования Советской власти в Московский Совет не прошёл ни один представитель мелкобуржуазных партий.

С большим патриотическим подъёмом прошло празднование 1 Мая 1922 г., выразившее энергичный протест рабочих Москвы против попыток империалистов навязать советским представителям в Генуе кабальные договоры. В этот день город был украшен зеленью и флагами. Всюду мелькали революционные лозунги, транспаранты, звучала музыка. К 11 часам на площади Красную, Свердловскую и Революции прибыли войска для принятия присяги. Вдоль кремлёвской стены разместились почётные гости, иностранцы. В 12 часов войска дали торжественную клятву. Принятие присяги закончилось орудийным салютом, «Интернационалом» и традиционным русским «ура». После присяги целый час войска проходили церемониальным маршем. Во главе каждой части маршировали шефы — рабочие и работницы фабрик и заводов Москвы, — символизируя этим нерушимое единство народа и его армии. После военного

⁴⁹ «Коммунистический труд» № 12 от 18 января 1922 г., стр. 2.

⁵⁰ «Рабочая Москва» от 10 февраля 1922 года.

⁵¹ «Спутник коммуниста» № 11 от 24 февраля 1922 года.

⁵² МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. № 1069, л. 53.

парада состоялась демонстрация трудящихся. В течение четырёх с половиной часов не менее 500 тыс. человек прошли по Красной площади. Демонстрация протекала под знаком протеста против замыслов империалистов: «Мы победили, мы — хозяева в стране. Наши завоевания нерушимы, наша власть незыблема, права и границы Советских республик неприкосновенны».

Ярким показателем политической сознательности московских рабочих явилось их отношение к процессу правых эсеров. Суд над врагами народа начался 8 июня 1922 г. в Колонном зале Дома союзов. В лице своих лидеров партия эсеров должна была ответить за свою контрреволюционную борьбу против Советского государства. Когда стало известно о начале процесса, по фабрикам и заводам города прокатилась волна митингов. Редакция «Рабочей Москвы» получила от рабочих столицы более трёхсот резолюций с требованием для подсудимых высшей меры наказания. «Пусть суровая рука пролетарского суда беспощадно покарает всех преступников за их деяния против пролетарской революции»⁵³. А писали рабочие механического завода Гознака. Рабочие завода «Серп и молот» выбрали делегацию и направили её в трибунал с резолюцией общего собрания, клеймившей позором убийц рабочих вождей.

20 июня, в годовщину убийства Володарского, состоялась массовая рабочая демонстрация под лозунгом доверия и поддержки Советской власти и с требованием возмездия для партии эсеров. В час дня к стенам Кремля двинулись рабочие массы Москвы. По Кузнецкому Мосту, Тверской, Большой Дмитровке и Лубянке нельзя было ни проехать, ни пройти. Шли десятки тысяч москвичей. На знаменах горели лозунги: «Смерть убийцам Володарского — эсерам!», «Смерть и позор эсерам — агентам Антанты!»

В тот же день, в конце вечернего заседания трибунала, в зал суда явились делегации от Москвы и Питера. Один за другим выходили на трибуну представители московских рабочих и делегаты петроградских предприятий. Все они требовали суровой кары для врагов Советского государства. Сильное впечатление произвела речь рабочего завода Ильича (бывш. завод Михельсона) — Иванова, очевидца покушения на Ленина. «Гоц, — говорил он, обращаясь к одному из подсудимых, — вы послали Ф. Каплан убить тов. Ленина, а я её задержал. Вы — подстрекатели убийства тт. Урицкого, Володарского. Вы — враги рабочего класса». И он рассказал далее суду о том, как произошло злодейское покушение на Ленина, организованное эсерами.

Рост политической активности московского пролетариата проявлялся во всех областях политической и хозяйственной жизни Москвы. Он нашёл своё выражение в оживлении работы Советов, профсоюзов, кооперации, московского комсомола.

Несмотря на быстрые темпы своего развития, московская промышленность не успевала удовлетворять возросшие потребности широких трудящихся масс. С каждым годом рабочие и крестьяне Советской страны требовали товаров всё больше и наилучшего качества. Рынок поглощал с невиданной быстротой всё, что вырабатывали фабрики и заводы. Недостаток товаров обнаружился летом 1924 года. Особенно велик был спрос на хлопчатобумажные ткани. Большой недостаток ощущался также в кожаных и особенно в металлических изделиях. У московских магазинов промышленных товаров появились «хвосты». Экономическая печать того времени определила это явление как начало товарного голода.

«Торгово-промышленная газета» сообщала: «Сотни представителей низовых кооперативных организаций, гонимые товарным голодом, едут

⁵³ «Рабочая Москва» от 13 июня 1922 года.

в Москву со всех концов СССР, подолгу живут в столице, обивая пороги синдикатов и Центросоюза. У некоторых союзов вошло даже в норму — иметь нечто вроде постоянного торгпредства в Москве»⁵⁴. Для того чтобы удовлетворить потребность трудящихся в промышленных изделиях, заводы и фабрики Москвы и губернии должны были непрерывно увеличивать производство. Многие предприятия столицы, такие как «Серп и молот», «Красный пролетарий», Краснопресненская Трёхгорная мануфактура, Коломенский машиностроительный завод и др., в это время работали уже на полную мощность. Но оставалась ещё часть фабрик, нагрузка которых не превышала 60%, а некоторые из них всё ещё оставались законсервированными.

Учитывая сложившуюся обстановку, Московский комитет партии весной 1925 г. дал указание о расширении текстильной, металлической и строительной промышленности⁵⁵. Тресты получили дополнительное производственное задание. Нагрузка действовавших предприятий, особенно текстильных, была увеличена. Одновременно пускали в ход стоявшие фабрики и заводы. В марте 1925 г. была пущена прядильная Большевская фабрика имени Сталина; в июне — Измайловская и Истоминская прядильные фабрики; в июле — Хапиловская отделочная. Кроме того приступили к работе резиноткацкая фабрика (бывш. Лерха), фабрика имени Свердлова, фабрика «Вперёд», ситценабивная, бывш. Даниловская, Ивановская и др. По металлической группе были пущены в ход завод мельнично-ткацких оборудований имени Калинина, «Красный штамповщик» (бывш. Крамера), по химической промышленности — кислородный и костеобрабатывающий заводы; по кожевенному производству закончена была концентрация обувной фабрики «Буревестник»⁵⁶.

На фабриках, заводах и коммунальных предприятиях города партийная организация и профсоюзы развернули кампанию за повышение производительности труда. На всех предприятиях были повышены производственные нормы. Проведены мероприятия по уплотнению восьмичасового рабочего дня и укреплению трудовой дисциплины. В каждой отрасли промышленности выявлялись новые резервы увеличения выпуска продукции.

За годы гражданской войны и восстановительного периода московский пролетариат прошёл большую трудовую и политическую школу и претерпел большие внутренние изменения. Раскрепощённый мирный труд на государственных предприятиях без капиталистов, без эксплуататоров, в условиях советской демократии укрепил его социалистическое сознание. На ленинский призыв московский пролетариат ответил массовым вступлением в ряды РКП(б). 25 тыс. лучших своих сынов послал он в партию Ленина — Сталина. Более 7 тыс. рабочих — юношей и девушек — вступили в Ленинский комсомол.

В составе московского пролетариата постепенно увеличивалось новое поколение квалифицированных рабочих, воспитанное в школах ФЗУ, на рабочих курсах, в цехах заводов и фабрик, не знавшее ужасов капиталистической эксплуатации. Появились кадры технической интеллигенции, вышедшей из рабочего класса. С каждым годом росла и крепла трудовая активность широких рабочих масс. Политико-воспитательная работа большевистской партии сказалась в это время со всей силой. Каждое устное и печатное выступление товарища Сталина, ставшего после смерти Ильича душой всего социалистического строительства, поднимало боевой дух московского пролетариата. Его клятва над гробом Ленина прозвучала как мощный призыв к пролетариату строить, не жалея сил, социали-

⁵⁴ «Торгово-промышленная газета» от 5 ноября 1925 года.

⁵⁵ Облпартархив, ф. 3, д. № 24, л. 6. Решения пленума МК РКП(б) от 16—17 марта 1925 года.

⁵⁶ Московский Совет Народного Хозяйства. Краткий отчёт о работе с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г., стр. 5. М. 1926.

стическое общество, как завещал великий Ленин. Огромное значение имело выступление товарища Сталина на заводе «Динамо» 7 ноября 1924 года. В своей речи он говорил о самом важном для того времени — о союзе рабочих и крестьян. Для того чтобы укрепить смычку между городом и деревней, необходимо выпускать больше промышленных товаров по доступным для крестьянства ценам. Правильная политика цен укрепит союз рабочих и крестьян. В заключение своего выступления товарищ Сталин призвал динамовцев, а через них и всех рабочих Москвы бороться за повышение производительности труда⁵⁷.

В «Красной книге» завода И. В. Сталин оставил следующие записи: «Желаю рабочим «Динамо», как и рабочим всей России, чтобы промышленность пошла в гору, чтобы число пролетариев в России поднялось в ближайший период до 20—30 млн.; чтобы коллективное хозяйство в деревне расцвело и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство в деревне сплотили окончательно пролетариев фабрик и пужеников земли в одну социалистическую армию, чтобы победа в России увенчалась победой во всем мире»⁵⁸. Приезде и выступлении товарища Сталина вдохновили динамовцев. В приветствии Центральному Комитету РКП(б) они заявили, что приложат все силы для максимального повышения производительности труда на заводе. Это было начало невиданного трудового подъема.

Ещё в марте и апреле 1924 г. на ряде предприятий Москвы при фабрично-заводских комитетах стали создаваться производственные комиссии. К маю 1925 г. в Москве насчитывалось около тысячи производственных комиссий, в работу которых было втянуто до 10 тыс. человек⁵⁹. Согласно положению, утверждённому губпрофсоветом, задачи этих комиссий заключались в содействии администрации в области улучшения производства и повышения производительности труда, снижения накладных расходов, удешевления и улучшения качества изделий, содействия производственному воспитанию рабочих⁶⁰.

Одновременно с комиссиями на основании директивы МК РКП(б) и губпрофсовета на фабриках, заводах и в цехах предприятий стали проводить широкие производственные совещания и конференции. К февралю 1925 г. на предприятиях Москвы состоялось 545 производственных совещаний, на которых присутствовало около 35 тыс. человек, кроме того на 44 предприятиях проведено было 346 цеховых совещаний с количеством участников 32 тыс. человек. По всем трестам прошли производственные конференции⁶¹.

Производственные совещания оказали несценимую услугу делу восстановления промышленности Москвы. Они вовлекли широкий актив рабочих в борьбу за режим экономии, за снижение себестоимости изделий, за повышение производительности труда и высокое качество продукции. Они воспитывали в рабочих социалистическое отношение к труду.

Кроме того производственные совещания помогли выявить наиболее талантливых рабочих и выдвинуть их на административно-хозяйственную работу. Подводя итоги работы за 1925 г., Московский губпрофсовет писал в своём отчёте: «Истекший год характеризуется огромным ростом интереса рабочих масс к вопросам производства, выразившимся в широком участии рабочих в производственных комиссиях и совещаниях»⁶². В это же

⁵⁷ См. «Правду» от 11 ноября 1924 года.

⁵⁸ Орджоникидзе Г. Избранные статьи и речи, стр. 450, 1939.

⁵⁹ МОАОР, ф. МГСПС, оп. 1, д. № 188, л. 31. Протокол губернской конференции союза рабочих-деревообделочников.

⁶⁰ Там же, д. № 381, л. 77а. Положение о производственных комиссиях.

⁶¹ Там же, д. № 1131, л. 94, 95. Стенограмма 7-го Московского губернского съезда профсоюзов.

⁶² Отчёт о работе губернского совета профсоюзоз с октября 1924 по октябрь 1925 г., стр. 38. М. 1925.

время фабрично-заводские комитеты проводили систематическую работу по рационализации производства. Комсомольские ячейки открыли борьбу за уменьшение прогулов, ликвидацию простоев, увеличение интенсивности труда, бережное отношение к инструментам, материалам и производственной одежде, за максимальное использование рабочего времени. Прогульщики, лодыри и пьяницы были объявлены врагами рабочего класса. На некоторых заводах комсомольцы организовали показательные процессы под названием «Суд над лодырем». Передовые фабричные организации создали ударные молодёжные группы, которые поставили перед собой задачу добиваться перевыполнения производственных норм.

Упорно и самоотверженно трудились старые потомственные пролетарии, проработавшие на фабриках и заводах Москвы по 30—40 лет. В течение своей длительной работы они накопили богатый практический опыт и составляли костяк московского пролетариата, его основу.

Борьба за повышение производительности труда широко захватила все фабрики и заводы. Под знаком этой борьбы прошли губернские профсоюзные съезды и отраслевые конференции рабочей молодёжи. На всех предприятиях развёртывалось рабочее изобретательство. 9 мая 1925 г. товарищ Сталин в докладе активу Московской партийной организации об итогах работы XIV конференции ВКП(б) говорил: «Мы переживаем не менее, если не более, мощный хозяйственный трудовой подъём, чем это имело место, например, в Америке после гражданской войны»⁶³. Об этом же подъёме председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский говорил: «Мы вошли в полосу неудержимо бурного роста».

Стремительный подъём московской промышленности наметился со второй половины 1924 года. Увеличение продукции ценовой промышленности Москвы в 1924 г. по сравнению с предыдущим годом составило 42,3%. 1925 год ознаменовался ещё более мощным размахом в развитии фабрично-заводской промышленности Москвы. Её продукция за этот год выросла более чем на 50% по сравнению с 1924 годом. Производительность труда рабочих резко увеличилась. Если в 1920 г. в среднем рабочий Москвы выработал продукции на 983,8 руб., в 1923 г.—на 2316,1 руб., то в 1925 г.—на 3318,1 рубля⁶⁴. Восстановительный процесс шёл так быстро, что хозяйственные планы и предположения отставали от действительного развития хозяйства. «Соки хозяйственной жизни нашей страны,— говорил товарищ Сталин,— прут вверх с неудержимой силой, опрокидывая все и всякие научные планы наших финансовых специалистов»⁶⁵. Ярким выражением указанного факта являлся рост бюджета Москвы. В течение 1925 г. его несколько раз пришлось изменять: сметные предположения не поспевали за ростом доходов.

1925 год отличался резким повышением удельного веса социалистических элементов во всём народном хозяйстве. Промышленность Москвы стала могучим фактором социалистического строительства. Вместе с промышленностью губернии она составляла в 1925 г. около 20%, т. е. пятую часть промышленности СССР. На 1111 фабриках и заводах Москвы и губернии было занято около 400 тыс. рабочих. Они выпустили продукции на сумму более 900 млн. золотых рублей. Подавляющее число этих предприятий было объединено в мощные тресты, имевшие общесоюзное значение. Одно из первых мест в СССР занимал Богородско-Щёлковский хлопчатобумажный трест. На его фабриках находилось в движении 800 тыс. прядильных и крутильных веретён и около 8 тыс. ткацких станков. Серпуховский хлопчатобумажный трест имел свыше 225 тыс. веретён и около 7300 станков. Гигантом хлопчатобумажного производства являлся Орехово-Зуевский трест, на фабриках которого работали 577 тыс.

⁶³ Ленин и Сталин. Сборник произведений. Т. III, стр. 25. М. 1936.

⁶⁴ По «Статистическому ежегоднику Москвы и Московской губернии» за 1914—1925 гг. Вып. 2-й, стр. 171—172.

⁶⁵ Ленин и Сталин. Сборник произведений. Т. III, стр. 25.

веретён, 10,5 тыс. ткацких станков. Краснопресненский трест имел 316 тыс. веретён и более 9,5 тыс. ткацких станков. В составе местной московской промышленности имелись также большие объединения. Вигоневый трест являлся крупнейшим в Советском Союзе объединением этого рода. На фабриках треста было занято 12,5 тыс. рабочих и служащих и сосредоточено около 45% всех угаро-вигоневых веретён Союза. В 1924—1925 гг. трест выпустил более 23 млн. м тканей, 826 тыс. кг ваты. В составе треста имелась фабрика «Вискоза» — единственное в то время в СССР предприятие по выработке искусственного шёлка.

Трест «Жиркость», на предприятиях которого было занято около 5 тыс. человек, являлся наиболее значительным объединением в жиросырьевой промышленности Советского Союза. Он выпускал более $\frac{3}{4}$ всей продукции мыльно-парфюмерной промышленности СССР⁶⁶.

Значительным объединением являлся «Москвошвей», на его фабриках работало более 9 тыс. человек. В 1925—1926 г. этим трестом было выработано более 5 млн. предметов готового платья⁶⁷. Вообще в производстве одежды Москва и Московская губерния играли решающую роль: они вырабатывали 52,8% общесоюзной продукции.

Большое значение имели трест «Пестроткань» и «Мострикотаж». «Москож» создал в столице крупную обувную промышленность, какой не было в дореволюционной Москве.

Всесоюзной известностью пользовался «Моссельпром», объединявший 41 промышленное заведение. В него входили консервные, макаронные, колбасные и другие пищевкусовые предприятия. Трест имел 25 хлебозаготовительных, 50 магазинов, свыше 75 столовых и до 140 киосков. На 1 августа 1925 г. на предприятиях треста было занято 18 тыс. рабочих и служащих. Изделия «Моссельпрома»⁶⁸ продавали до 4 тыс. лотошников. В 1925—1926 г. трестом было выпущено более 14 тыс. кондитерских изделий, около 5 млрд. папирос, более 60 млн. литров пива и т. д.

Некоторую роль в хозяйстве Советского Союза играла и металлопромышленность Москвы и Московской губернии. В составе «Машинотреста» объединилось 12 заводов (с числом рабочих более 12 тыс. человек), из которых «Серп и молот» являлся наиболее крупным предприятием. В состав треста вошли наилучшие машиностроительные заводы СССР, среди них самый значительный — «Красный пролетарий», выпускавший станки и двигатели. Продукция московских машиностроительных заводов распространялась по всей стране. В 1924—1925 г. они отпустили изделий на сумму более 20 млн. рублей⁶⁹.

Коломенский завод, крупнейший из машиностроительных предприятий Советского Союза, выпускал паровозы, вагоны, локомобили, двигатели и т. д. В ноябре 1924 г. рабочие этого завода выпустили первый трактор «Коломенец № 1». В Москве находилось наиболее значительное предприятие автомобильной промышленности страны — завод АМО. К седьмой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции он изготовил первые 10 автомашин. Во время демонстрации 7 ноября 1924 г. первенцы советского автомобилестроения прошли через Красную площадь. На состоявшемся в сентябре 1925 г. автопробеге Ленинград—Москва—Тифлис—Москва амовские грузовики по своей проходимости и прочности доказали, что они не хуже заграничных. Электропромышленность Москвы была представлена Елоховской и Кудринской фабриками, которые были полностью восстановлены и изготовляли электрические лампочки для всей страны. Крупнейшим предприятием по из-

⁶⁶ «Московская местная промышленность», стр. 10. Сост. М. Мерков. М. 1927.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Рабочая Москва» № 87 от 16 апреля 1926 года, стр. 3. Бюро сов «Московская губерния в хозяйстве СССР».

⁶⁹ «Московский машиностроительный трест», стр. 145. М. 1926.

готовлению электрических машин являлся завод «Динамо». Сельскохозяйственные машины и орудия выпускал Люберецкий завод. В Москве сосредоточились все важнейшие государственные издательства, поэтому более одной трети выработки всей полиграфической промышленности приходилось на Москву.

Московская промышленность отличалась наиболее высокой концентрацией производства. Так, например, в 1924 г. в среднем по СССР на одно действовавшее предприятие приходилось 507 рабочих, тогда как в Московской губернии это число доходило до 700 человек⁷⁰. Предприятия Москвы и Московской губернии были лучше технически оборудованы, поэтому и производительность труда на них была выше, чем по Союзу, на 8,8%⁷¹.

Прошло пять лет со времени перехода к новой экономической политике. Гигантскими шагами подходила к концу восстановительного периода советская столица. В 1925 г. на фабриках и заводах Москвы трудилось более 155 тыс. рабочих, или 105% по отношению к 1913 году. Московские заводы и фабрики с каждым годом производили всё большее количество продукции. В мае 1925 г. производство московской промышленности равнялось 70% довоенного. В 1926 г. она перешагнула за довоенную черту и достигла 104,1%, от уровня 1913 года. Металлопромышленность в этом году дала 106%, бумажно-полиграфическая — 118,8%, кожевенная — 154,2%, деревообделочная — 172,7%, одежды и туалета — 193%, текстильная — 97,5%, химическая — 93% по отношению к 1913 году. За пятилетие, с 1921 по 1925 г., продукция промышленности Москвы увеличилась в шесть раз.

Вместе с подъёмом промышленности восстанавливалось и городское хозяйство столицы. Советское правительство не скупилось на расходы по восстановлению коммунальных предприятий, культурных и научных учреждений города. К концу 1925 г. почти все коммунальные предприятия были восстановлены. Длина сети городских и железных дорог превысила довоенную. В среднем ежедневно в движении находилось 712 трамвайных вагонов. В августе 1924 г. открылось автобусное сообщение. С 1923 г. развернулись работы по благоустройству города. Увеличено было водоснабжение, улучшена канализация.

Постепенно усиливаясь, развернулось жилищное строительство. Ремонтировались старые и возводились новые дома. К 1925 г. были построены новые рабочие посёлки в Москве: Усачёвка, Дубровка, Красная Пресня, посёлки при заводе «Богатырь», АМО и других крупных предприятиях Москвы. Затраты на ремонт и строительство жилых домов увеличивались из года в год. В 1923—1924 г. госорганы, кооперация и частные лица израсходовали 8,7 млн. руб., в 1924—1925 г. — 28,8 млн. руб., в 1925—1926 г. — 51,2 млн. рублей⁷². С 1920 по 1925 г. в Москве было выстроено более полумиллиона кв. м жилой площади⁷³. Жилищное положение рабочих масс Москвы улучшилось. По данным санитарного надзора, в довоенное время в Москве 300 тыс. трудящихся жили на койках. В 1925 г. коечников уже не существовало. В подвальных помещениях до войны 1914 г. жили 500 тыс. человек. К концу восстановительного периода большая часть из них переехала в благоустроенные дома. Отремонтированы были школы, больницы, воинские казармы, детские дома.

Внешний облик столицы приобрёл более привлекательный вид. Были изменены названия многих улиц. Фабрики и заводы в 1922 г. получили новые наименования. Вместо имён капиталистов и эксплуататоров на вывесках предприятий сияли славные имена революционеров, сложив-

⁷⁰ «Московское хозяйство в 1925 г.», стр. 49. М. 1925.

⁷¹ Там же.

⁷² МОАОР, ф. 66, оп. 12, д. № 2334, л. 47. Краткий отчёт по работе губисполкома за 1925—1926 год.

⁷³ Бронер «Очерки экономики жилищного хозяйства Москвы», стр. 13. М. 1945.

ших свои головы за счастье народа. Улучшилось наружное освещение. Увеличилась площадь зелёных насаждений. Появились новые сады, скверы, бульвары, физкультурные площадки, стадионы. Бульжные мостовые постепенно стали заменять асфальтом. Улицы стали чище, светлее, приветливее. Дома стояли отремонтированные и сияли свежей краской. Город стал многолюдным. В 1926 г. в Москве насчитывалось более 1800 тыс. жителей. На улицах и площадях царил деловое оживление, неумолчный шум, звон трамваев, гудки автомобилей. Москва преобразилась. За эти пять лет она стала неузнаваемой. В 1922 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд Советов. В принятом на съезде договоре об образовании СССР было записано: «Столицей Союза Советских Социалистических Республик является Москва». В Кремле заседали Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, собирались всероссийские всесоюзные съезды Советов и съезды ВКП(б). Народы шести союзных республик с восхищением смотрели на свою столицу. Они видели в ней объединяющий центр великого многонационального государства, сердце социалистического отечества, очаг советской культуры.

Задача, выдвинутая большевистской партией в 1921 г., была решена. Москва восстановила свою промышленность и своё городское хозяйство до уровня 1913 года. Это была крупная и неоспоримая победа. Но большевики не могли этим ограничиться. Дореволюционный уровень московской промышленности отражал отсталость экономического развития царской России. В структуре московской промышленности преобладали лёгкая индустрия, главным образом текстильная, и пищевое производство. Текстильные фабрики и пищевая промышленность вместе давали в 1913 г. более 67% всей валовой продукции промышленности Москвы, тогда как на долю металлической промышленности Москвы приходилось лишь 10,4% всей продукции⁷⁴.

Такое же примерно соотношение сохранилось и в 1925 году.

По времени основания более 120 фабрично-заводских предприятий Москвы относились к периоду до 1900 года. Некоторые из них были основаны ещё в 20-х и 30-х годах прошлого века. Многие здания были совсем не приспособлены к условиям производства. Машинное оборудование технически устарело. Так, например, по данным обследования РКИ, на Яхромской (бывш. Покровской) прядильно-ткацкой фабрике в июле 1924 г. из общего количества 2679 станков и машин 1777 (66,3%) имели возраст от 25 до 50 лет⁷⁵. То, что было на Яхромской фабрике, было и на других текстильных и прочих предприятиях.

Досоветская Москва почти не имела своей станкостроительной и машиностроительной промышленности. Текстильные и другие предприятия города и губернии зависели от импорта машин, станков и прочего оборудования из других стран, преимущественно из Англии и Германии. Красильно-апретурное производство старой Москвы почти целиком зависело от ввоза иностранных красителей.

Ясно, что уровень 1913 г., которого достигла московская промышленность в 1926 г., не являлся идеалом. Ленин ещё в ноябре 1922 г. на пленуме Московского Совета говорил: «Мы теперь поневоле все расчёты начинаем с маленького, маленького процента — процента довоенного»⁷⁶. К тому же многолетняя война жестоко потрепала промышленность Москвы. Были заводы и фабрики, которые не ремонтировались в течение 10 лет (1914—1924). Изношенность фабричных зданий достигла в среднем

⁷⁴ Статистический атлас города Москвы и Московской губернии. Вып. 3-й, стр. 17—18. М. 1925.

⁷⁵ «Торгово-промышленная газета» от 3 июля 1924 года.

⁷⁶ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 362.

30—35%, в металлопромышленности — 40%⁷⁷. Изношенность технического оборудования давала себя знать со всей силой. На хлопчатобумажных фабриках треста «Пресненское объединение» она достигла от 10 до 40%⁷⁸, на заводе «Каучук» — до 35%, на «Богатыре» — 50%⁷⁹. На предприятиях Серпуховского треста по прядильным машинам изношенность оборудования равнялась 25%, по ткацким — 30%, по выпускным аппаратам — 40%⁸⁰.

В связи с окончанием восстановительного периода перед московским пролетариатом, как и перед всем советским народом, встали новые задачи, задачи преодоления экономической отсталости страны, превращения её из аграрной в индустриальную, задачи построения социалистического общества. Перехода к индустриализации требовали не только интересы развития страны в целом, но также и непосредственные интересы промышленного хозяйства Москвы. Период, когда развёртывание промышленности проходило за счёт старого оборудования, унаследованного от капиталистической России, кончился. Всё чаще стали раздаваться голоса, требовавшие обновления основного капитала предприятий, строительства новых фабрик и заводов. Необходимость этого сознавали многие. Но для этого нужно было иметь свои, советские станкостроительные, приборостроительные, автомобильные и другие заводы тяжёлой индустрии. Нельзя же было продолжать традицию старой Москвы — ввозить оборудование из-за рубежа. Такая политика была чревата опасностью, она грозила превратить Советский Союз в зависимую от капиталистического окружения страну.

В дальнейшем, для того чтобы развить все отрасли промышленности, перестроить сельское хозяйство, упрочить независимость и военную мощь Советского Союза, нужно было ликвидировать наследство царской России — технико-экономическую отсталость. Советская страна, чтобы стать передовой в промышленном отношении, должна была развить собственное машиностроение и станкостроение, построить автомобильные, тракторные, химические, металлургические, авиационные, танковые и другие заводы.

Учитывая всё это, товарищ Сталин в конце 1925 г. выдвинул гениальный план индустриализации Советской страны. XIV съезд партии утвердил этот план в качестве своего решения. И все, кто любил свою Родину и хотел сохранить и укрепить её независимость и могущество, кто хотел построения социализма в СССР, поддержали это решение съезда и стали проводить его в жизнь. Московский пролетариат стал под знамя сталинской индустриализации. Перед ним открылась новая историческая эпоха, полная творческих дерзаний и великого, победоносного строительства социалистического общества.

⁷⁷ Приложение к «Торгово-промышленной газете» за май 1925 г., статья Орлова «Состояние основного капитала московской промышленности».

⁷⁸ «Торгово-промышленная газета» от 12 февраля 1923 года.

⁷⁹ Святыцкий «Современное состояние наших трестов». М. 1923.

⁸⁰ «Торгово-промышленная газета» от 25 ноября 1924 года.